

УБИЙСТВА
В ПОМЕСТЬЕ ЛОНГЕР

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Матильда Паддикет, очень богатая неуживчивая пожилая дама. Решила, что ее внучатые племянники должны участвовать в легкоатлетических соревнованиях, чтобы получить наследство.

Годфри Йеомонд, ее племянник, женившийся по любви, а не ради денег.

Мальпас Йеомонд, Фрэнсис Йеомонд, Присцилла Йеомонд и Гилари Йеомонд, четверо детей Годфри. Гилари (19 лет) — самый младший.

Мисс Мира Кэддик, затюканная компаньонка миссис Паддикет, но с хорошим жалованьем. Бледная, угловатая женщина с романтическими мечтаниями и различными финансовыми ожиданиями.

Клайв Браун-Дженкинс, сын Мэри, сестры Годфри, который, как и кузены, будет претендовать на деньги миссис Паддикет.

Селия Браун-Дженкинс, сестра Клайва. Как и Присцилла, тоже участвует в «забеге».

Ричард Кауз, другой кузен, также претендующий на наследство.

Амарис Кауз, его сестра, студентка из Челси, изучающая искусство. Считает себя богемой.

Тимон Энтони, приемный внук миссис Паддикет от ее последнего брака. Поскольку он выразил желание стать актером, то его вычеркнули из списка наследников.

Джозеф Херринг, известен также как Проньера, весьма нелюбезный слуга миссис Паддикет.

Людвиг Кост, тренер; блондин, крепкий, привлекательный молодой мужчина, которого наняли, чтобы тренировать внучатых племянников в различных видах легкой атлетики.

Джекоб Хобсон, неотесанный, грубый местный житель, который закончил не очень хорошо.

Джени Хобсон, его жена; она не сильно плакала по мужу.

Инспектор Блоксхэм, озадачен при каждом новом повороте расследования.

Миссис Беатрис Лестрэйндж Брэдли, известная дама-психоаналитик; случайно оказалась на месте преступления и помогла инспектору Блоксхэму.

Диготы, хозяйка миссис Брэдли. Дочь Маргарет — подруга Присциллы Йеомонд. Сын Рекс — помогал миссис Брэдли во время расследования.

Миссис Макбрай, кухарка в доме миссис Паддикет, столь же властная, как и ее хозяйка.

Сэр Бертрам Пэлли, главный констебль.

А также слуги, полицейские и местные жители.

Глава 1

СЛОЖНОСТИ С БОГАТЫМИ РОДСТВЕННИКАМИ

Тетушка Паддикет была очень богатой дамой. В семье также традиционно полагали, что она плохой человек.

«Единственная вещь, с которой она расстанется без сожаления, — сказал ее племянник Годфри в день своей свадьбы, — это непрошенный совет».

В этот момент он рассматривал свадебный подарок от тетушки — серебряный чайник и кувшинчик для сливок, — причем с откровенным отвращением. Совет, о котором шла речь, был дан по важному поводу и сводился к настоятельной рекомендации жениться «на деньгах», оставив предполагаемую невесту, кроткую и мягкую Элизабет Талли, дочь сельского священника, работавшую воспитательницей. Годфри отреагировал на подобный совет быстро, резко и предсказуемо, после чего три года тетушка и племянник не виделись и не переписывались.

«И теперь, — заметил Годфри в адрес скромной Элизабет через три дня после рождения первого ребенка, — только от нас зависит, как пойдут дела. У старой леди не должно быть оснований для злорадства по поводу того, что мой сын вырос бедным человеком. Она пишет, что отправляет ему в подарок крестильный коврик».

Нет ничего более благотворного для успеха, чем четкая, грамотно поставленная цель. К моменту, когда четвертый ребенок, тоже мальчик, дорос до того, чтобы посещать школу, Годфри Йеомонд был состоятельным человеком.

Тетушке Паддикет понадобилось тридцать два года для того, чтобы забыть причины ссоры с племянником. Когда эта эпоха завершилась, она призвала секретаршу-компань-

онку, угловатую, романтически настроенную незамужнюю женщину, прошедшую двенадцать полных самоотречения лет на службе у старой леди, и заявила:

— Мисс Кэддик, я старею.

— Неужели, миссис Паддикет? — с надеждой воскликнула та.

Днем ранее она прочитала в газете о домохозяйке-компаньонке, жившей при старой даме, которой после смерти работодателя оставили целое состояние в пятнадцать тысяч фунтов. И мисс Кэддик, обладавшая математическим складом ума, изложила на обратной стороне листа из дневника свои собственные надежды и ожидания в форме следующей пропорции:

«Домохозяйка-компаньонка получает 15 тысяч фунтов от стоимости движимого имущества в 161 512 фунтов после десяти лет непрерывной службы. Секретарша-компаньонка получает X фунтов от стоимости движимого имущества в Y фунтов после двенадцати лет (минус три дня на похороны кухни Эгги) непрерывной службы, с учетом общего состояния ее нанимателя в 500 тысяч фунтов.

NB. Или это состояние может быть немного больше».

Мисс Кэддик работала над задачей, используя различные приближительные значения Y, и в итоге остановилась на средней величине. Сумма в двадцать пять тысяч фунтов, возникшая из этой сложной математики, испугала ее, и она зачеркнула все, спрятав дневник.

— Просто... на всякий случай... — пробормотала она, думая о чужих глазах, которые могли бы увидеть ошеломляющую цифру.

Подобно убийце, прячущему труп в шкафу с одеждой, мисс Кэддик знала, где лежит плод ее преступления. Двадцать пять тысяч фунтов! Двадцать пять тысяч!

Старая миссис Паддикет относилась к компаньонке-секретарше с подозрением. Она была очень старой дамой, нос ее напоминал клюв попугая, голос звучал пронзительно, а характеру позавидовал бы римский император.

— Что ты имеешь в виду, соглашаясь со мной таким тоном? — пропищала она. — Почему это я поссорилась с Годфри?

Немедленно осознав, что если какой-либо выгодоприобретатель и имеется в уме ее нанимательницы, то это один из родственников, чьи имена так редко упоминались в доме, мисс Кэддик оставила свои мечтания о двадцати пяти тысячах фунтов. Она закатила блеклые глаза, сморщила остроконечный нос и нацепила на лицо выражение ментальной агонии. По опыту мисс Кэддик знала, что ей не платят за то, чтобы помнить о вещах, которые забыла миссис Паддикет. Поэтому после периода сокращения лицевых мышц, который продлился пятнадцать секунд, она потрясла головой, увенчанной опрятной прической, поджала тонкие губы, нахмурилась, пытаясь добиться максимальной концентрации мысли, и снова потрясла головой.

— Ну уж извините, миссис Паддикет... — начала она.

— Ты дура, Кэддик, — ядовито пропищала миссис Паддикет. — Распорядись насчет кресла на колесиках и пошли за кухаркой.

Кухарка происходила из Шотландии. Она не боялась хозяйки, была сильной и опытной, а также часто повторяла присказку, которую извлекала, видимо, со дна собственного желудка по всякому поводу. Присказка звучала так: «Да чтоб мне лучше утонуть!» Фраза произносилась с сильным шотландским акцентом, калечившим добрые английские слова.

Кухарка, призванная мисс Кэддик из недр дома, вошла в комнату старой миссис Паддикет. Она мрачно посмотрела на хозяйку и молча стала слушать, как старая леди излагает пожелания по поводу меню на день. А потом заговорила:

— Это вы что, хотите рубленое мясо с овощами к ленчу? Да чтоб мне лучше утонуть!

— Но почему бы нам не получить рубленое мясо с овощами к ленчу? — вскричала старая миссис Паддикет, имевшая десятилетний опыт ежедневных сражений с этим серьезным неприятелем.

— А откуда мы возьмем это блюдо? Вспомните, несчастная женщина, что у нас осталось не более четверти фунта говядины после того, как мистер Тимон покормил своих зверьков сегодня утром!

— О, — пискнула тетушка Паддикет. — Вот он как? Ну предложи что-нибудь сама! Только не будь дурой!

— Ого, ага! Это что, я должна делать работу за вас? Да чтоб мне лучше утонуть! Я буду готовить хорошее мясо, но не стану думать о том, что готовить! Вы это делаете! Совсем не я хозяйка в этом доме!

— Точно к часу дня ты отправишь хорошо приготовленный, тщательно сервированный ленч в столовую, и не мели чепухи! — заявила тетушка Паддикет. — И меня не волнует, лучше тебе утонуть или нет!

Кухарка ушла, и миссис Паддикет снова обратила внимание на мисс Кэддик. Словесная битва привела старую леди в хорошее настроение, та понизила скрипучий голос и заговорила почти доброжелательно:

— Ты найдешь адрес Годфри Йеомонда в моем бюро. Напиши ему, что я собираюсь посетить его в четверг. Хочу посмотреть на его детей.

Годфри Йеомонд захохотал, прочитав письмо.

— Она хочет увидеть детей до того, как умрет, — произнесла его жена. — Бедняжка. Мне кажется, она очень одинока и несчастна там, в деревне. Ответь ей быстрее, дорогой, и скажи, как сильно мы хотим ее видеть.

— Я лучше намекну парням, чтобы они вели себя с ней прилично, — буркнул Годфри, чьи мысли потекли совсем в ином направлении. — Тетушка должна оставить свои деньги кому-то, а она никогда не любила кошек. — Он помолчал, а потом добавил: — Я не вижу, с чего бы она должна очароваться нашими парнями или Присциллой. Ясно, что они отличные детишки. Но есть Браун-Дженкинсы и Каузы, и все это кроме людей из семьи Энтони, за которого она вышла замуж. Я скажу парням, чтобы вели себя тактичнее, пока тетушка будет тут. Им придется изрядно потрудиться, если она осталась той же злобной мегерой, какой была всегда.

Дела Годфри Йеомонда находились в хорошем состоянии, однако его порой мучили угрызения совести по поводу того, что из-за запальчивых слов, произнесенных тридцать лет назад, шансы его детей на наследство тетушки Падди-

кет выглядят столь хилыми. Поэтому он потратил время на подготовку инструкций к визиту пожилой родственницы, чтобы снабдить ими членов семьи. Годфри решил, что стратегия сентиментальной мольбы лучше всего подойдет к их возрасту и складу ума.

Во время ужина в среду вечером, как раз накануне прибытия тетушки Паддикет, он разразился отрепетированной речью.

— Главный начальник сегодня был в форме, — позднее заметил Фрэнсис Йеомонд брату Мальпасу.

— Да, невероятно хорош, — отозвался тот, критически разглядывая сигару в руке. — Полагаю, он добыл это по оптовой цене? — Мальпас осторожно зажег сигару.

— Я бы хотела знать, сколько времени она проведет у нас, — произнесла Присцилла Йеомонд. — Придется ли нам толкать ее кресло на колесиках?

— Главный начальник говорит, что она может обходиться без него, — ответил Гилари, самый младший.

— Придется как-то устроить и смыться отсюда, если все окажется очень плохо, — проговорил Мальпас. — Старая леди та еще кошечка.

— Я везу десять мальчишек в Швейцарию, слава богу, — сообщил Фрэнсис, второй из сыновей.

— А мне придется написать старине Шусмиту и написать к нему в гости, если я не выдержу здесь. — Гилари вздохнул.

— Вы эгоистичные типы! — горячо воскликнула Присцилла. — Бедная старая леди!

— Бедная старая ты, вот что ты имеешь в виду, — заявил Гилари с братской прямоотой. — Тебе придется нянчиться с этим ребеночком, если мы все сумеем улизнуть. Веселее, уточка, ведь Фрэнсис будет посылать тебе открытки с красивыми видами... Правда, брат?

— Понимаете, — Присцилла смотрела прямо, не отводя взгляда, — если вы слиняете, я сообщу ей почему. А вы знаете, что именно о ее деньгах думает главный начальник. Вот!

— Но, моя дорогая девочка... — произнесли в унисон три мужских голоса.

Однако тетушка Паддикет оказалась менее серьезным испытанием, чем они ожидали. Прежде всего, как выразился девятнадцатилетний Гилари, она «в полном порядке», когда вы выводите ее на прогулку. У нее ужасный голос, с чем они все согласились, но, к счастью, она решила, что воздух Лондона вреден для ее горла. Предупрежденные родителями Йеомонды перемещались по городу без особой спешки. Они ухитрились даже перетерпеть концерт классической музыки, не выражая протестов; сопроводили миссис Паддикет в два или три театра, где давали пьесы, подходящие для ее возраста и опыта; и во вторую субботу визита гости поехали с ней на стадион Уайт-Сити, чтобы посмотреть международную легкоатлетическую встречу между Швецией и Англией. Тетушка Паддикет увидела рекламу матча на железнодорожной станции, спросила, что это, а затем потребовала, чтобы ей показали.

— Мисс Кэддик не захочет пойти, — добавила она.

Неожиданно освобожденная от обязанностей Мира Кэддик в тот самый день, с бьющимся сердцем и в тайном экстазе, ускользнула из высокого дома в георгианском стиле к ближайшей остановке автобуса. Вооруженная очками и пакетиком сладостей, она отправилась в неведомое. Ее ждал первый в жизни фильм с настоящим звуковым сопровождением. Поэтому блеклые глаза Миры Кэддик сияли новым, невиданным ранее светом, а пакет сладостей она сжимала в руке крепче обычного.

— Но почему они не могут? — удивилась старая миссис Паддикет.

Ее внучатый племянник Гилари окинул взглядом стадион Уайт-Сити, который был хорошо виден с переднего ряда центральной трибуны. Проиграв все, что только можно, Соединенным Штатам в июне, английские легкоатлеты твердо намеревались проиграть все шведским коллегам в августе. Амстердам видел ту же самую историю, Южная Африка могла бы засвидетельствовать ее истинность. Англия — указать на своих барьеристов, на спринтеров, ее бегуны на длинные дистанции вызывали нечто вроде гордо-

сти, но что касалось прыжков и метания — ядра ли, диска ли, копья ли, — о, где же была она?

— Сплошные трупы. — Мужчина в военной форме, сидевший слева, с готовностью выдал бестактный ответ.

Гилари Йеомонд вздохнул:

— Это все частные школы.

— Но я думала, что частные школы... — Тон тетушки Паддикет был весьма нелюбезным — она слышала много хорошего о частных средних школах.

— Вот чушь! — сердито воскликнул Фрэнсис Йеомонд, с помощью бинокля наблюдавший за сверхчеловеческими стараниями желтоволосого юнца двадцати лет побить рекорд в прыжках с шестом. — Школы просто не могут тренировать детей прыгать с шестом или толкать ядро.

Будучи младшим преподавателем языков в одной из школ, о которых шла речь, а также участником соревнований в беге на сто ярдов от своего колледжа в университете, он говорил, как человек, обладающий авторитетом.

— Конечно, ты можешь тренировать их. — Мальпас Йеомонд откинулся назад и равнодушно захлопал в ладоши, поскольку желтоволосый швед под громогласные аплодисменты чисто прошел над планкой и изящно упал на маты с другой ее стороны. — Все дело в стиле, — продолжил он, обращаясь к старой леди. — Стиль и постоянная практика. Ты не должен позволять мальчишкам пробовать большую высоту, когда они только осваивают прыжки с шестом, и не должен давать им ядро в двенадцать фунтов до тех пор, пока они в достаточной степени не разовьются телесно. Но ты можешь привить им корректный стиль и заставить их регулярно практиковаться.

— Чушь, — усмехнулся Фрэнсис.

Мальпас пожал плечами, взглянул в программку соревнований и принялся лихорадочно делать в ней иероглифические отметки, поскольку в мегафон объявили порядок последнего этапа забегов.

— Здесь должно быть все в порядке, — уверенно сообщил он. — Мы представлены лучше, чем шведы. Их амстердамский победитель не приехал, и тот парень, который